

Урок №16

СТАРЧЕСТВО

Методические указания к уроку №16

Цель урока – сформировать представление об основных чертах старческого подвига и сущности этого служения, его зарождении и роли в древнем иночестве, а также о старческом подвиге на Руси.

Задачи урока:

- Охарактеризовать историю появления и развития старчества, а также возрождение старческого служения на Руси: старчество в домонгольский период (X-XIII вв.), времена преподобного Сергия, его учеников и последователей (XIV-XVI вв.), восстановление традиций старчества прп. Паисием Величковским (XVIII в.), Оптинские старцы (XIX в.), старчество в XX веке.
- Усвоить основные понятия: старчество, духовный отец, духовное чадо, духовное окормление, откровение помыслов, дар духовного рассуждения.
- Необходимо проследить связь старчества и духовничества.
- Необходимо обратить внимание на: особенности духовного старческого окормления; призвание на старческое служение и подготовку к нему; содержание старческого служения, благодатные дарования, необходимые для этого подвига; трудности и опасности старческого окормления.
- ❖ Изучение материала урока должно опираться на самостоятельную работу студента с дополнительной литературой и ежедневным чтением житийной литературы, желательно на церковнославянском языке.

«Тот, кто впервые поднимается в гору, должен следовать по известному маршруту; ему нужен спутник и проводник, который уже поднимался здесь и хорошо знает дорогу. Послужить таким проводником — вот в точности назначение "аввы"... — того, кого греки называют "герон", а русские "старец", что на обоих языках означает собственно "старик". В русском языке слово «старчество» точно передает *«древневосточную практику душепопечительства опытных в духовной жизни иноков над новоначальными в подвиге спасения людей мирского звания и монашеского»*. Под старцем понимается *«не возраст человека, а духовная опытность в вопросах спасения души»*.

Благодатную традицию старчества Церковь Христова несет в себе с древнейших времен. **Старчество** — это одно из высочайших служений в Церкви, венец духовных подвигов, плод безмолвия и Богосозерцания.

В раннем христианстве существовало особое служение - **пророческое** (Еф.4.2; 1 Кор.13.2-8). Пророки получали откровения от Бога, необходимые для Церкви, указывали христианам путь ко спасению, открывали им волю Божию, внушали мужество в виду надвигавшихся гонений. Пророческое служение Древней Церкви не исчезло, но нашло свое продолжение в служении старчества.

Старчество в собственном смысле этого слова появилось в Церкви в IV веке, одновременно с расцветом монашества. Зарождение этого служения связано с необходимостью руководства в иноческой жизни. Старчество - это необходимое условие правильного течения монашеской жизни. Ищущий монашескою подвига шел к опытному подвижнику, поступал под его руководство, и подвижник становился для него **аввой** - старцем, вот простейшая форма старчества.

Старческое окормление играло ключевую роль в древнем иночестве. Вокруг личности старца возникали монашеские центры. Послушник при посредстве своего старца достигал духовной опытности, и сам, в свою очередь, нередко становился руководителем новоначальных иноков. Старчество процветало *в Египте, Палестине и Сирии*; с Востока его традиция была перенесена в обители *Западной Европы*, позднее — *на Святую Гору Афон*.

О старческом подвиге нам хорошо известно из многочисленных памятников древнехристианской письменности. В аскетической литературе совершенно ясно выражен тот взгляд, что высшее совершенство является следствием не *самостоятельного*, независимого, хотя бы и в высшей степени напряженного и самоотверженного подвижничества, а лишь полным, совершенным *послушанием* старцу, под руководством которого живет подвижник.

Одним из первых сочинений, содержащих описание старческого служения, является *Житие преподобного Антония Великого*, составленное **свт. Афанасием Александрийским**. «*Антоний как врач был дарован Египту. Духовное влияние на людей у Антония Великого было исключительным*». Отношения прп. Антония с его учениками свт. Афанасий сравнивает с отношениями отца и детей: «*Отеческое руководство Антония заключалось в сообщении аскетических опытов своим ученикам, которые для этого все собирались к нему, и по его приглашению расспрашивали его как дети отца, - а также в исповеди искушений и помыслов*». И сам прп. Антоний говорил ученикам: «*И вы, как дети, говорите отцу, что знаете; и я, как старший вас возрастом, сообщу вам, что знаю и что изведal опытом*». Уподобление старческого окормления отеческому традиционно для аскетической практики Православия. Именование наставника «духовным отцом», а наставляемого - «духовным чадом» используется применительно не только к монастырскому старчеству, но и к духовничеству в миру.

О необходимости и важности старческого окормления писали и другие древние подвижники, на собственном опыте познавшие его благодатную

силу и сами ставшие наставниками многих поколений иноков: **прп. авва Исаяя, свт. Василий Великий, прп. Иоанн Кассиан Римлянин, прпп. Варсонофий и Иоанн, прп. Исаак Сирин, прп. Венедикт Нурсийский, авва Дорофей, прп. Иоанн Лествичник.** Богословско-мистическая сторона отношений старца и ученика наиболее подробно описана в сочинениях **прп. Феодора Студита и прп. Симеона Нового Богослова.** Преподобный Феодор писал о необходимости, значении и сущности старческих поучений, о рождении по духу и о наследовании духовных дарований.

Монастырское старчество, по всей видимости, уже с самого своего зарождения оказывало влияние и на мирян, которые приходили в обители за духовными наставлениями. Современная дисциплина тайной исповеди и институт духовничества имеют своим истоком монастырское старчество. Переход старчества в духовничество и сближение монастырской тайной исповеди с публичной, совершаемой белым духовенством, относится ко времени гонений на иконопочитание при имп. Льве Армянине (813-820). Тогда монашество (в первую очередь, студиты) было ревностным защитником святых икон, и миряне предпочитали ходить на исповедь к монастырским старцам. В течение X-XII веков на всем православном Востоке тайная исповедь завоевала господствующее положение, вытеснив публичную. Термин **«духовный отец»**, первоначально означавший монастырского старца, стал использоваться применительно к духовнику в современном значении этого слова.

На Руси, как и на христианском Востоке, старчество появилось одновременно с монашеством. Традицию старчества принес на Русь с Афона **прп. Антоний Печерский**, начавший свой иноческий путь на Святой Горе. Как и на Востоке, благодатное влияние старчества на Руси не ограничивалось стенами монастыря. Так, **прп. Феодосий Печерский** духовно окормлял не только иноков, но и мирян всех сословий: *«Прихождаху к преподобному отцу нашему Феодосию мнози, исповедающе тому грехи своя, иже и велику пользу приимше, отхождаху»* (Патерик Печерский). Заботился старец *«о духовных сынех своих, утешая и наказая приходящих к нему, другоици (другой раз) в дома их приходя и благословение им подавая»* (Лаврентьевская летопись). У преемников преподобного Феодосия по игуменству тоже были духовные дети среди мирян, а уже в конце XI и первой половине XII в. принимали на исповедь к себе как мирян, так и монахов и некоторые из братии Печерского монастыря, имевшие пресвитерский сан.

Старчество в древнерусских монастырях, судя по житиям, было общераспространенно. Преподобный Савва Сторожевский *«бысть...духовник всему братству, старец честен»*. Древнерусскими старцами-духовниками были **преподобные Авраамий Смоленский** (XIII в.), **Сергий Радонежский** (†1392) и его многочисленные ученики — **преподобные Кирилл Белозерский** (†1427), **Пафнутий Боровский** (†1478), **Нил Сорский** (†1508), **Иосиф Волоцкий** (†1515) и другие. Затем это служение стало угасать. *«Старчество процветало в древних Египетских и Палестинских киновиях,*

впоследствии насаждено на Афоне, а с востока перенесено в Россию, - писал прп. Амвросий Оптинский, - Но в последние века, при всеобщем упадке веры и подвижничества, оно понемногу стало приходить в забвение, так что многие даже начали отвергать его. Уже во времена Нила Сорского старческий путь многим был ненавистен, а в конце прошедшего столетия и почти совсем стал неизвестен».

Возрождение старческого служения в России связано с именем **прп. Паисия Величковского** (†1794). Его подвиг нашел свое продолжение в Оптиной Пустыни, прежде всего в служении великих Оптинских старцев **Льва** (†1841), **Макария** († 1860) и **Амвросия** (†1891), восстановивших и укрепивших древнюю традицию окормления монастырскими старцами иноков и мирян. В начале XIX века России был дан великий старец **прп. Серафим Саровский** (†1833). Широко почитаются за свои духовные подвиги старцы того времени: **Филарет Новоспасский** (†1842), **Георгий Задонский** (†1836), **Адриан Югский** (†1853) и многие другие. В советское время старческий подвиг продолжали последние Оптинские старцы: **прп. Анатолий мл.** (†1922), **прп. Нектарий** (†1928) и **прп. Исаакий** (†1936). Среди святых старцев XX века называют также **св. прав. Иоанна Кронштадтского** (†1908), «старца в миру» **св. прав. Алексия Мечева** (†1923), **прп. Алексия Зосимовского** (†1928), **прп. Серафима Вырицкого** (†1949), **прп. Лаврентия Черниговского** (†1950), **прп. Кукушу Одесского** (†1964), **прп. Севастиана Карагандинского** (†1966). Традиция старчества до настоящего времени сохранилась в Троице-Сергиевой Лавре и Псково-Печерской обители. Наиболее известным Печерским старцем является недавно почивший архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

На старчество необходимо особое призвание Божие. Оно может проявляться в разных формах. Иногда уже существующие старцы назначали себе преемников. Например, в Оптиной пустыни старчество передавалось именно этим путем «апостольского преемства»: монахи вступали на подвиг старчества по послушанию. А иногда подвижник получал непосредственное благословение Божие на свое новое служение. *«Не все безмолвники оставляются в безмолвии навсегда, - пишет свт. Феофан Затворник, - Достигающие чрез безмолвие безстрастия и чрез то удаляющиеся приискреннего Богообщения и Боговселения, изводятся оттуда на служение ищущим спасения, просвещая, руководя, чудодействуя. И Антонию Великому, как Иоанну в пустыне, глас был в безмолвии, изведший его на труды руководства других по пути спасения, и всем известны плоды трудов его. То же было и со многими другими».* Например, прп. Серафим Саровский также начал старческое служение после особого извещения — явления ему Матери Божией. Священномученик Серафим (Чичагов) так описывает это событие: *«В 1815 году Господь, по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей, повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример Великаго Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседа и поучая спасению».*

В святоотеческой литературе встречаются предостережения против самовольного принятия на себя старческого служения. Например, прп. Макарий Оптинский пишет, что окормлять других можно только за послушание, причем согласно с учением святых отцов и только тем, кто сам шел этим путем: *«Приступать ему к окормлению других не советую, и давать правила не его еще дело, хотя и просит Д. ...Как не осудимся, самовольно наскокая на такую высоту? Мы только тем разве можем несколько иметь извинение, когда за послушание показываем путь, коим научают нас святые отцы, и сами отчасти шли, и негли, окалявшись во благе [в болоте], других от того предостерегаем».*

Но как бы ни призывался подвижник на старческое служение, этому обязательно предшествует длительный личный аскетический подвиг. Преподобный Антоний стал наставником иноков после тридцати лет подвигов в уединении, в возрасте более 50 лет. Преподобному Савве Освященному, пришедшему в монастырь восьмилетним мальчиком, Бог вверил попечение о других душах, когда ему было около 45 лет. Преподобный Иоанн Лествичник девятнадцать лет прожил в послушании у старца и сорок лет в отшельничестве, и лишь в возрасте 75 лет был избран игуменом горы Синайской. Преподобного Макария Великого называли «юноша-старец», потому что благодатный дар духовного окормления он получил хотя и после многолетних подвигов в пустыне, но все же относительно рано, в возрасте около 40 лет. Такой же длительный аскетический подвиг предшествовал старческому служению русских святых старцев. Преподобный Серафим Саровский вступил в подвиг старчества после тридцати семи лет подвигов сначала в общежитии, потом в отшельничестве, когда ему было около 56 лет. Преподобный Амвросий Оптинский около 20 лет воспитывался при великих старцах Льве и Макарии Оптинских, волею Божией готовясь к старческому служению в послушании и умной молитве.

* * *

Каковы же основные черты старческого подвига, в чем заключается сущность этого служения?

Старчество можно определить как обучение практическим средствам достижения христианского совершенства. *«Дело нашего христианского усовершенствования, дело жизни сокровенной во Христе с Богом есть дело — не теории, а практики... Для человека, искренно и истинно желающего быть учеником Христовым... нужно знать, как же утвердить в себе кроткое расположение духа? Какими способами приобрести истинное смирение...? Как научиться молиться?... Чтобы всему этому научиться, надо иметь учителя, который не по книгам только, но и собственным опытом прошел всю эту мудрость... Это последовательное научение в достижении христианского совершенства, в прохождении жизни*

христианской и есть то, что в монашестве именуется Старчеством или духовным окормлением» (оптинский старец иеросхимонах Амвросий).

Старческое окормление происходит в такой форме: В монастыре волею Божией и голосом братии поставляется благочестивый и опытный в духовно-аскетической жизни инок, пользующийся полным доверием всех, как общий духовный отец и руководитель. К нему не только идут исповедываться в положенное время, но приходят все, всегда, ежедневно и раскрывают ему всю свою душу, объявляют все свои греховные поступки, мысли, желания. Что бы ни задумал духовный сын старца - обо всем идет он советоваться со старцем и просить его благословения.

Как видим, старческое руководство неразрывно связано с **откровением помыслов**, то есть постоянной и чистосердечной исповедью ученика перед учителем, дающей последнему возможность видеть состояние души ученика и дать ему необходимый совет, а также с **послушанием**, то есть готовностью ученика руководствоваться советом учителя. И откровение помыслов, и послушание старцу основаны на полном **доверии** к нему.

Внутренние полномочия принимать исповедь и осуществлять духовное руководство обусловлены не только *духовной опытностью* старца. Старец — это сосуд *благодати Святого Духа*, именно она помогает дать верный совет. Старцы творят не от себя, *«не они суть глаголющи от себе: но Бог в них глаголет, якоже хощет»*. В Палестинском Патерике приводятся слова инока, пришедшего на исповедь к старцу: *«Отче! Поведай, что внушит тебе благодать Всесвягаго Духа и уврачуй мою душу»*. Древние старцы, преисполненные смирения, ясно осознавали действие благодати и свою человеческую ограниченность, что видно, например, в словах прп. Пахомия: *«Когда Господь прекращает открывать Себя, мы становимся такими же людьми, как и прочие человеческие существа»*.

Дар Святого Духа, необходимый для принятия помыслов и духовного окормления, - это, в первую очередь, дар христианской любви к ближнему. Святитель Тихон Задонский писал: *«Никто не может более Христа любить, как тот, который спасения ближнего ищет... Любовь сыщет слова, коими можешь созидать ближнего; она представит тебе способ, и ум и язык направит»*. На старцах, с любовью принимающих всех приходящих к ним, сбываются слова *«святого Иоанна Лествичника... что некоторые пришли во врачебницу не для врачевания, но, ласковостию лекаря удержаны быв, познали, что имели болезнь в глазах своих, и получили от него исцеление»*.

Любовь к ближнему неотделима от **смирения**. *«Особым свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие, — пишет свщмч. Серафим (Чичагов) о при. Серафиме Саровском. — Кто бы ни был приходивший к нему... в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже не у посвященных людей... Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью»*. *«Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнес к себе или хвалил себя, но*

всегда, благословляя Господа Бога, говорил: *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс.113.9)». О преподобном Макарии Оптинском жизнеописатель свидетельствует: *«Изумительно было спокойствие старца в минуты наставнической его деятельности... Ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного душевного спокойствия. Все было покорено им в себе глубочайшему смирению»*. В письмах прп. Макария содержится множество свидетельств о его глубоком смирении. Он просил своих чад молиться о даровании ему истинного разума: *«Прошу помолиться, чтобы Господь даровал мне истинный разум - давать ответы на твои вопрошения; а сам о себе не могу ничего творить»*. Он учил приписывать пользу от наставлений только Богу: *«Ежели она получила какое успокоение духа, да приписывает сие милости Божией, а не моему недостойнству. Я ничто иное, как ничтожный грешник, вам глаголавший, а сам ничтоже творящий»*. О необходимости смирения для наставника преподобный неоднократно писал инокам, несущим служение старчества: *«Что бы вы ни сделали доброго, то это не ваше, а помощь Божия и Его достояние, вы же токмо орудие, да и самое слабое»*.

Благодать Святого Духа проявляется также в дарах **рассуждения и различения духов**. Общеизвестен совет искать в наставнике не высоких дарований, чудотворений и прочего, но именно духовной рассудительности. В жизнеописании прп. Макария Оптинского говорится: *«Первое место между дарованиями, данными старцу на пользу общую... занимает бесспорно дар духовного рассуждения. — Для объяснения того, как существенно необходимо... сие рассуждение, старец обыкновенно указывал на сказание о даре рассуждения одного из скитских отцев, аввы Моисея, заимствованное сим последним со слов преподобного Антония Великого... «Рассуждение не есть земной или малый, но величайший дар Божией благодати, которому если инок не последует всюю силою со тщанием и не навькнет рассуждению твердым помыслом входящих в него духов, то по необходимости придется ему, как заблудившемуся в ночи, впасть не только в ямы лютейшего зла, но претыкаться на прямых путях и ровных местах»*. О стяжании дара духовного рассуждения преподобный Макарий советовал прочитать в послании преподобного Кассиана к Леонтину игумену: *«Истинное рассуждение не приходит, аще не от истинного смирения»*.

В тесной связи с духовной рассудительностью стоит **дар различения духов**. Благодаря этому дару старец знает, какой помысел несет в себе зло и какой — добро, что угодно Богу и что нет. Различать внушения в душе человека со стороны Святого Духа и Ангелов и со стороны духов злобы не так легко, потому что они [внушения] не являются отличными, как свет и тьма. Действие благодати обнаруживается в мире и радости, в блаженном настроении, но и грех сладок и сладкий недуг страсти, особенно страсти духовной, не трудно смешать с блаженством духовным. Со слов прп. Макария Великого: *«Грех преображается в светлаго ангела и уподобляется почти благодати»*. Внушения в душе человека обнаруживаются в виде

тонких и порою сложных помыслов, рождающихся в сердце или вкрадывающихся в рассудок со вне. Чтобы склониться к доброму внушению и пресечь недобрый помысл, необходимо открыть источник каждого из них. Это в состоянии сделать только человек, достигший высшей меры духовного возраста. *«Если человек не достиг сей меры, то не может различать помыслов, но будет поруган демонами и впадет в обольщение, поверив им: потому что они изменяют вещи, как хотят, особенно для тех, кто не знает козней их».*

О даре различения духов, чтобы не всякому духу верить (1 Ин.4.1), советовал молиться еще прп. Антоний Великий. Этот дар получают после тяжелых подвигов и по молитвам старца. Преподобный Варсонофий Великий писал: *«Без болезни сердечной никто не получает дарования различать помыслы. Я молю Бога даровать тебе его, но пусть и твое сердце поболезнует немного, и Бог подаст тебе это дарование... Когда же Бог по молитвам святых и за болезнование твоего сердца даст тебе это дарование, то уже всегда будешь в состоянии различать помыслы Духом Его».* Проявление дара различения духов встречается в монашестве с первых лет его существования. Святитель Афанасий Великий сообщает о данной от Господа Антонию благодати к различению духов. Авва Евагрий между другими благодатными дарованиями обладал даром различения духов и очищения помышлений. По словам жизнеописателя, *«никто из братии не возвышался до такой высоты понимания тончайших духовных предметов и отношений».* Об авве Сериде рассказывается: *«И помолился Богу дать ему дар рассуждения, приобретя который он мог с помощью небесной благодати путеводить к жизни души, врачевать оскорбленных, преподавать целительное врачевство, слово от Духа истекающее».* Имели этот дар и русские старцы. Так, прп. Лев Оптинский, стяжавший дар различения духов, *«во всякой вещи... в точности постигал и другим указывал — что угодно и негодно Богу, и верно мог судить о душевном устроении других».*

Для своего служения старец иногда наделяется также и даром **прозорливости**, то есть способностью проникать в нравственное состояние другого человека. *«Старец — искусный духовный врач»*, он имеет дар *«проникать до самых глубин души человеческой»*, видит в ней *«самое зарождение зла»*, а также причины этого зарождения, устанавливает *«точный диагноз болезни»* и указывает *«точный способ лечения»* — так можно охарактеризовать старческое окормление. Примеры обладания даром прозорливости также идут с первых веков монашества. **Пахомий Великий и Феодор Освященный** обладали этим даром и могли узнавать грехи брата по откровению свыше. В Лавсаике говорится о прп. Иоанне, которому было открыто поведение монахов в соседних монастырях, он знал, кто предается нерадению, а кто преуспевает в вере и совершенстве, и писал о том настоятелям и самим инокам. Преподобный Гелен, о котором тоже рассказывается в Лавсаике, открывал братьям их сердечные помышления, приводя иноков в сердечное сокрушение, внушая желание исправить свою жизнь. Дар прозорливости получали старцы и в последующие времена.

Например, о прп. Серафиме Саровском жизнеописатель свидетельствует: *«По чистоте духа своего он имел дар прозорливости; иным, прежде раскрытия обстоятельств, давал наставления, относившиеся прямо ко внутренним их чувствам и мыслям сердечным».* *«В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращающихся к нему».*

Поучение, предлагаемое старцем, имеет своим основанием Священное Писание и святоотеческое Предание. *«Как собственные действия свои, так и свои слова, старец Серафим основывал на слове Божиим... на писаниях свв. отцов и на примерах святых, Богу угодивших»*, — рассказывает жизнеописатель о прп. Серафиме Саровском. Преподобный Макарий Оптинский преподавал советы *«от чтения учения святых отцов, прошедших опытом деятельную жизнь».* Свои письма он часто оканчивал словами: *«Изложено не мое мнение, но учение Святых Отцов, которых молитвами да поможет вам Господь».* Преподобный Паисий Величковский в «Ответе настоятелю скита Рубая, иеромонаху Софронию, на его просьбу прислать ему священников для устройства общежития» (1767) пишет, что *«он не берется давать им наставление от себя, а может преподать им только то, что ему известно из Священного Писания и учения святых отцов».*

К благодатным дарам старчества относится также **дар утешения и сострадания**. О преподобном Паисии (Величковском) жизнеописатель свидетельствует: *«Такое же дарование име, яко и самаго унылаго словесы воздвигнути к ревности можаше, и печальнаго утешити... и не отхождаше от него неисцелен никтоже».* *«И егда кий либо брат скорбен внидет в келию старцеву, то он... сам начинаше беседу к нему... и сладчайшими и утешительными словесы своими отвождаше ум его от скорби... и утешаше... сего толико, яко укорити ему себя и скорбь свою, ея же ради прииде, от радости духовных словес его... и видев душу свою мира и радости духовных исполнену... радуясь отхождаше, благодаря Бога... Призывает брата, не да укорит, или поносит, не да запретит, но да утешит его, и умиротворит сердцем и душею».* Подобное рассказывали о прп. Амвросии Оптинском: *«Батюшка с тебя скорбь-то, как шубу, снимает».* Замечательные образцы искреннего сострадания к скорбящим встречаются в письмах прп. Макария Оптинского: *«Ваши скорби и болезни... и нам больны».* *«Письма ваши вчера прочитал, и уже, как всегда случается, после сего ночь не спал».* *«Я... за других очень скорблю, получая письма скорбные, и не могу им помочь».*

При исследовании старческого служения иногда возникает вопрос о том, каким образом старцы могли совмещать в себе внутреннюю молитву, требующую внимания и отсечения всех помыслов, и постоянное общение с людьми, сопровождаемое сильным воздействием их греховности.

Действительно, для неопытного наставника духовное окормление других может быть душевредным. Особенно опасно для неискусного старца принятие откровения помыслов. Предостережения об опасностях и трудностях принятия помыслов неоднократно встречаются в святоотеческих

писаниях. Так, прп. Нил Синайский сравнивает принимающего исповедь с умывальницей: *«Если будем соделывать чистыми деяния приходящих, то, конечно, необходимо и самому ему стать причастным некоторой нечистоты. Так и умывальница, очищая руки умывающего их, сама принимает в себя нечистоту его. И тому, кто рассуждает о страстях и в других истребляет подобные скверны, невозможно миновать того, чтобы не оскверниться; потому что самое памятование обыкновенно оскверняет мысль говорящего. И хотя не живыми красками напечатлевают образы срамного, однакоже надолго сквернит ум»*. Трудность и опасность принятия исповеди отмечает прп. Ефрем Сирийский. Много *«благоразумия и опытности требуется тому, кто вознамерился очистить скверну помыслов»* другого. Слушающему предстоит двойная брань: *«Во-первых, от того, что душа развращается воспоминанием слышанного, во-вторых, от того, что встретишь противление во вверившемся (духовном сыне), если мужественная душа не низложит страстей»*. Ибо *«такой человек (духовный сын), когда по нерадению впадет снова в те же страсти, как на врага смотрит на избранного в наставники»*. Поэтому прп. Ефрем убеждает: *«Если еще не сильно распален ты Духом Святым, то не желай выслушивать чужие помыслы»*.

Не только принятие помыслов, но и само пребывание на людях, в постоянных разговорах («в молве»), может повредить душевному устройству наставника. В письмах святых старцев можно встретить свидетельства о том, как тяжело дается им духовное окормление множества людей. Например, прп. Амвросий Оптинский писал: *«Постоянно нахожусь на людском соборе и сборе и чужих дел на разборе... Видно, и меня, как неспособного к уединению, судьба исключила и винула в молву людскую»*. *«Старость, слабость, бессилие, многозаботливость и многозабвение, и многие бесполезные толки не дают мне и опомниться. Один толкует, что у него слабы голова и ноги, другой жалуется, что у него скорби многи; а иной объясняет, что он находится в постоянной тревоге. А ты все это слушай, да еще ответ давай; а молчанием не отделаешься, — обижаются и оскорбляются»*. *«Народ меня осаждаст и не дает опомниться»*. *«Не принимать нельзя, а всех принимать нет возможности, и сил недостает»*. Жизнеописатель свидетельствует: *«Хотя и писал так смиренный старец о своем скорбном положении, однако понуждался по возможности принимать всех»*.

Но невозможное для человека возможно для благодати Божией. О прп. Льве Оптинском и его наставниках, старцах Феодоре и Клеопе, жизнеописатель рассказывает, что в период их пребывания на Валааме даже подвижники высокой духовной жизни *«недоумевали, как эти старцы проводили целые дни в многолюдстве, беседуя с приходившими к ним ради советов духовных, и пребывали несмущенными»*. Однажды насельник скита обратился к схимонаху Феодору с вопросом: *«Батюшка! Я блажюсь на вас, — как это вы по целым дням пребываете в молве и беседах со внешними (с мирскими посетителями)? — Экой ты, братец, чудак! — ответил старец, —*

да я из любви к ближнему два дня побеседую с ним на пользу душевную и пребуду несмущенным». Подтверждение и объяснение этих слов можно найти у прп. Иоанна Лествичника: «Должно остерегаться, чтобы собранного в пристанище не расточить в бурном море.. Поистине велик подвиг благодушно и мужественно терпеть зной, и тишину, и томление безмолвия... Несравненно же большее дело — не бояться молв, но среди шума их сохранять небоязненное и неподвижное сердце, пребывая внешне с людьми, внутренне же с Богом». Жизнеописатель прп. Льва дополняет: «Впрочем, сей меры возраста духовного достигают немногие и непросто, а получают ее как воздаяние, за многие труды, наипаче же за смирение. И тогда-то, будучи промыслительно вызваны на подвиг служения ближним, могут приносить им великую духовную пользу, сами не вредясь нисколько от соображения с другими. Таковы и были приснопамятные старцы о. Феодор и о. Леонид, - присовокупим к сему — и преемники о. Леонида, Оптинские старцы о. Макарий и о. Амвросий».

Как видим, подвиг старчества очень труден и посилен далеко не каждому подвижнику. Вести по пути духовного делания может лишь тот, кто сам прошел успешно: этот путь. Даже подвижник, получивший без особых усилий благодатные дары за чистоту душевную, сохраненную им с детства, может не обладать способностью руководить другими: он опытно не знает зла, не прошел путем борьбы со страстями, а потому не видит зла и в других. Бывали случаи, когда такие старцы, будучи сами святы, вредили своим ученикам и даже вводили их в прелесть. Поэтому свт. Василий Великий в правилах для монашествующих пишет: *«Хотя наказание есть врачевание души; однако же не всякому позволительно наказывать, как и врачевать, а только кому дозволит настоятель, по долгом его испытании».*

Итак, старчество - это особое служение, с древности существовавшее в христианской Церкви. На это служение вступают по призванию, после длительных аскетических подвигов. Старческое окормление распространяется не только на иноков, но и на мирян. Для своего служения старец наделяется дарами Святого Духа: рассудительностью и различением духов, прозорливостью, даром утешения. Учение старца - не его собственное, он всегда учит в духе Евангелия и «от отцов». Неотъемлемые черты истинного старца - искренняя христианская любовь к чадам, смирение, способность сострадать и утешать в скорби.

Вопросы для самоподготовки:

1. В чем сущность старческого служения? Какими благодатными дарами должен быть наделен истинный старец?
2. В чем, на Ваш взгляд, заключается различие между старчеством и духовничеством?

3. Назовите имена древнерусских старцев - духовников.
4. С чьим именем связано возрождение старческого служения в России?